

Денис
Старый

СЛУГА ГОСУДАРЕВ

ПЕРО И ШТУЦЕР

Денис Старый

Слуга государев 6. Перо и штуцер

«Автор»

2026

Старый Д.

Слуга государев 6. Перо и штуцер / Д. Старый — «Автор», 2026

Прихожу в себя в чужом теле — вокруг крики, на руках чья-то кровь. Передо мной мажор насилует девушку, уверенный, что связи отца спасут его от наказания. Как же знакомо— С дороги, мразь! — бью ублюдка ногой в лицо. Только я уже не в 21 веке, а в теле стрельца, на дворе 1682 год. Москва бурлит и готова взорваться бунтом — лучше не придумаешь. В прошлой жизни влиятельный мерзавец убил мою семью. Откупился от правосудия, избежал наказания. Я устроил самосуд, погиб и получил второй шанс. На этот раз я не допущу, чтобы деньги и власть спасали преступников. Мой принцип прост: неприкасаемых больше нет. Если для справедливости потребуется поднять стрелецкий бунт — я возглавлю его. Если понадобится снести трон — я не стану колебаться. Пётр Первый ещё мальчишка. Но я стану его наставником и воспитаю царя, который навсегда избавит Россию от коррупции и беззакония. Или погибну снова — но теперь уже не зря.

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый

Слуга государев 6. Перо и штуцер

Название: Слуга государев 6. Перо и штуцер

Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Юг Венгрии.

29 сентября 1683 года

Победа не принесла какой-то исключительной радости. Это если бы такой богатый обоз взяли поближе к родным местам, да хоть бы в Крыму, чтобы были шансы довести до Москвы все трофеи... То да, жалость от утрат и скверное настроение от гнетущей атмосферы во время похорон павших, нивелировались хотя бы и жаждой наживы.

Неприятно осознавать, но обладание дополнительными ресурсами для развития, ну и для собственной безбедной жизни, мотивирует и радует. А воины... Быть воином – жить вечно. И мы выбираем эту профессию осознавая, что готовы умереть. Наверное так. И могло бы быть куда как хуже, если бы не особая подготовка моих солдат, выигрышные тактики, ну и новейшее вооружение.

Или... ну не время посыпать голову пеплом, лить слезы по погибшим. Тем паче, что тогда нужно оплакивать и тех тридцати трех бойцов, которыми мы имеем санитарными потерями. И все равно похороны стали проблемой.

— Всех ли павших похоронили? — спрашивал я на Военном Совете, который состоялся в тот же день, когда произошёл бой, но уже вечером.

— Всех — в братской могиле, как и было нам приказано, — недовольным тоном ответил Андрей Артамонович Матвеев. — Не по христиански сие.

— Не по христиански будет, коли мы останемся на этом месте еще два дня и врагу дадим время собрать силы. Так и будем отбивать отряд за отрядом, пока не погибнем все, — с жесткостью в голосе я отвечал Матвееву-сыну. — Сие более не подлежит обсуждению. И да — я приказываю!

Андрей Артамонович всё ещё обижался на меня за то, что я поставил его на место. И не сейчас. Нынче так... отголоски моего гнева. Вот вроде бы он не мальчик, но муж — но что-то подростковое в Матвееве Младшем осталось. Слишком поддаётся эмоциям.

Во-первых, ему было крайне обидно, что я не определил, этому (не как он считает) несомненно великому полководцу, достойное место во время сражения. Но Андрей пока имеет всего лишь чин одного из полковников, и то авансом.

Во-вторых, ну какое ему достойное место? Ничего... постоял в резерве во время сражения, и будет. Зато цел и еще ближе к решению задачи, ради которой он тут. Славу-то добыл! В сражении был? Ну не выстрелил ни разу, но был же. Так что пусть папаня теперь смело продвигает своего сына, “героя” русского похода в Австрию.

Более того, у меня просто не было времени и желания искать сына влиятельного боярина, который шёл в арьергарде, замыкая нашу колонну. Такие поиски могли обойтись моему корпусу куда дороже — не только жертвами, но и непредвиденными результатами сражения. Так что когда арьергард подошел уже во время кульминации сражения, они просто были не нужны, ну или как резерв.

А после он начал критиковать все мои решения, чтобы я не приказывал.

— Если вы продолжите в том же духе, господин полковник, за несоблюдение приказов я вас арестую и под конвоем отправлю сперва в Польшу, так как она ближе, но после в Москву. Не забывайте о подчинении! — после того, как я сделал пару намёков, что не следует Матвееву-младшему в присутствии других людей начинать со мной спорить, пришлось ответить подобной грубостью.

Он, видите ли, потребовал каждому павшему воину провести отпевание, соборование, чтобы пару дней, а надо, так и три, четыре, наши пять полковых батюшек проводили все необходимые обряды, которые свойственны для мирной жизни, но никак не во время войны.

Так что выкопали одну общую яму, туда, пусть аккуратно, но один на одного, положили тела павших. Батюшка прочёл молитву. Ну и я, конечно же, сказал несколько пафосных слов, после чего прозвучали выстрелы в воздух — без пуль, холостые.

И всё. Для того, чтобы уже ночью мы отправились дальше. Вряд ли это была бы мудрая идея — оставаться на месте хотя бы ещё несколько дней.

Весьма вероятно, что вернутся тысячи крымских татар, которые купились на мою уловку и убежали ловить нас в направлении Белгорода. Можем нарваться ещё на какой-нибудь немаленький обоз турок. Такие встречи нам ни к чему.

Семьдесят два человека погибшими — это много или мало? Конечно, если судить, что все это люди, у каждого из них своя история, вероятно, есть и семьи, то тогда каждая жизнь невероятно ценна.

Ну а если сравнивать с числом потерь противника? Мы разгромили в общей сложности три тысячи шестьсот вражеских воинов. И это было бы внушительным подкреплением для тех сил, которые турки скопили около Вены, даже если у визиря в подчинении и все двести тысяч солдат и офицеров.

Ну и обоз. Он не доедет. А там, кроме всего прочего и провианта, еще лекарственные травы. Того и гляди, но санитарными потерями враг потеряет больше.

— Теперь все должны уразуметь, что этим боем мы начали войну с Османской империей, — сказал я. — Пути назад, без победы, у нас нет. Так что будем бить ворага.

— Мы начали войну ещё когда вступили в Священную Лигу, созданную супротив турок, — пробурчал Андрей Матвеев.

Вот же не отпускает парня его подростковое самолюбие... Или это уже проявление боярской спеси? Тяжко придётся Петру Алексеевичу с такими людьми, подчинить их не так-то легко. Всё они гоношатся своими титулами и заслугами предков.

Хотя какие это славные предки у Матвеевых? По сравнению с большинством бояр, они худородные — если смотреть в ныне уже не существующие местнические книги. Самого Артамона Сергеевича привечал царь-государь Алексей Михайлович, когда Матвеев ещё был никем.

Ну да ладно. Андрей, действительно, толковый парень. Да и сыграл свою роль в качестве моего союзника, когда я почти в открытую воевал с патриархом.

— Нынче же, как закончится совет, отправляемся в сторону Вены. Разведка должна определить место — в лесу или рядом с реками, где мы сможем скрыться от многих глаз, — говорил я. — С обоза турецкого берем только то, что ценное особливо. Что с иным делать, я опосля скажу.

То, что мы взяли большой турецкий обоз, — это и хорошо, и плохо.

Хорошо, конечно, когда есть возможность заработать на войне и пополнить запасы провианта и фуража. Хорошо и то, что всё это не попало к врагу, а значит, он немного, но слабее.

Но есть и плохое. Обоз нас отягощал и замедлял. Это тот самый чемодан без ручки: и бросить жалко, и нести нелегко.

Так что я, как мне кажется, поступил вполне мудро, когда отдал этот обоз на разграбление. Распределение между отдельными всадниками тяжести всего того, что везли турки своим войскам, позволило где-то наполовину опустошить очень немаленький караван.

Правда, первоначально над разграблением турецкого обоза постарались мои люди. Наиболее ценное, а там было что-то вроде полковой или дивизионной казны, было забрано. Так же, как и некоторые явно награбленные уже турками ценности. Да и турок раздевали, забирали у них ценности. Обиженных трофеями я не обнаружил.

Вечером мы сдвинулись с места. Глубинная разведка из ногайцев нашла место, где мы могли бы схорониться. Или не так... Где мы могли бы создать такой укрепленный район, что и большим турецким войском нелегко будет нас скovyрнуть.

Нужно больше информации... Что там у Вены? Как там поживает король Ян Собеский?

* * *

Вильно

30 сентября 1683 год.

Адам Станислав Нарушевич последние недели ходил сам не свой. А еще не хотел работать, апатия. Да и аппетит пропал. Всё началось, как только пришли сведения о том, что два его собрата по Ордену Иезуитов были замучены до смерти.

А еще в Речи Посполитой все чаще стали появляться люди, которые всерьез решили поправить свое материальное положение за счет убийств иезуитов. Не то, чтобы профессор и провинциальный генерал боялся за свою жизнь, но право слово... Это же не приятно, когда многие хотят тебя убить. Тебя! Несущего людям истинные знания.

Вот и сейчас, находясь на своем рабочем месте, в университете, Нарушевич думал, не замечал ничего, думал. А еще он ощущал: что-то идет не так.

Слушатели Виленского университета — стадиоусусы — сидели на лекции профессора тише воды. От доброго и интересного преподавателя нынче исходила некая зловещая аура. А его взгляд... Казалось, он прямо сейчас накинется на любого, кто шелохнется, и, словно зверь, растерзает.

В большом зале, где обычно проходили лекции, стояла гробовая тишина. Профессор смотрел в сторону студентов, но словно не замечал их. Они же старались вести себя так, чтобы остаться незамеченными. И такая картина продолжалась уже как больше получаса.

Дверь в большую, фарную, аудиторию приоткрылась. На пороге появился адъютант профессора — его главный ученик, секретарь, денщик и порученец, может немного и ученик. Одно только появление этого молодого человека говорило о том, что люди, которых Нарушевич ожидал уже как несколько дней, прибыли.

Резко поднявшись со стула и ничего не сказав застывшим студентам, Нарушевич непривычно быстрыми шагами покинул аудиторию.

— Где встреча? — резко спросил он у своего секретаря, широкими шагами направляясь прочь.

— В доме ксендза Волковича, — ответил адъютант.

Ничего более не говоря, профессор направился к выходу из Виленского университета. Дом Волковича находился неподалёку. Он служил местом встреч многих преподавателей Виленского университета, если те хотели в уединении поговорить на крамольные темы. Вполне удобное место.

Университет хоть и считался вольным — здесь можно было выразить недовольство даже королём, — но о делах Ордена лучше говорить в тишине и при закрытых дверях. И дом Волковича подходил для этого. Ну не у себя же встречать важного человека.

Уже минут через двадцать Нарушевич смотрел в глаза легату от главы ордена — итальянцу Микеланджело Тамбурини.

Как только Адам Станислав показался в дверях, Тамбурини рукой, словно был хозяином дома, указал направление. Скоро два иезуита сидели за столом.

— Брат мой, способен ли ты понять, зачем меня отправил генерал в такую даль, в вашу провинцию? — с явным чувством превосходства спросил Тамбурини.

— Любого человека невозможно узнать. И уж тем более не каждому дано понять великие помыслы генерала нашего Ордена Христа, — ответил Нарушевич.

Микеланджело Тамбурини с интересом посмотрел на провинциального генерала. Легат главы Ордена иезуитов был ещё молод, но подавал большие надежды, его уже прочили в будущем чуть ли не в генералы. Впрочем, занимая место секретаря главы Ордена иезуитов, не так уж сложно продвинуться дальше по карьерной лестнице.

Но он еще и блестяще окончил все учебные заведения, где бы ни учился. Тамбурини схватывал всё на лету, порой, чувствуя правильные ответы и решения ещё до того, как успевал

их обдумать. Именно он посоветовал генералу Ордена Иезуитов пристальнее обратить внимание на то, что происходит в России.

И только недавно итальянец понял, что оказался прав. Ибо действительно в Московии зреют очень важные перемены. А некоторые изменения уже случились

Микеланджело Тамбурины не сразу прибыл в Речь Посполитую. До того он посетил Россию. И сперва, когда узнавал о деятельности иезуитов, о наследниках Симеона Полоцкого, которые все еще в России живут и здравствуют, возликовал. Но, узнав кое-что о том, как сработал провинциальный генерал, рассвирепел. Так Россию можно ведь и потерять. А кто сказал? Так ведь лгать легату генерала Ордена никто из приближённых Нарушевича не стал бы.

— Я ниже вас по статусу, но сейчас говорю голосом генерала, он послал меня сюда. И заметьте, что в то время, как католики терпят наказание Божие в виде турецкого нашествия. Почему вы допустили, что на иезуитов открылась охота? Кто такой этот царский наставник, что может противиться всей нашей организации?.. — Тамбурины посмотрел прямо в глаза Нарушевичу.

Провинциальный генерал Ордена Иезуитов, казалось, не проявлял никаких эмоций. Но это было не так. Внутри Адам Станислав Нарушевич негодовал. С одной стороны, ему было просто неприятно общаться в таком тоне с молодым человеком, пусть даже это посланник самого генерала. С другой — Нарушевич и сам понимал: в его, казалось бы, идеальной интриге не всё гладко. Как минимум первое звено в большой задумке уже порвалось.

— Я делал всё так, как предписывают правила, как поступают все иные провинциальные генералы, — наконец, начал говорить Нарушевич. — Обещаниями золота, интригами и запугиванием я вербовал того самого наставника государя. Все сведения, которые мне удалось о нём собрать, говорили о том, что это выскочка, который случайным образом, вследствие немислимых обстоятельств смог взлететь чуть ли не до боярина.

Нарушевич позволил себе снисходительную ухмылку.

— Вы вообще знаете, что ясновельможное панство, сеньоры в Москве называются боярами? — язвительно спросил он.

— Да будет вам известно, что я один из докладчиков генерала по Московии. И не так давно я побывал в этих диких краях. Недолго пробыл, но кто умеет спрашивать, быстро узнаёт всё необходимое, — с не меньшим ехидством ответил Микеланджело Тамбурины.

— Если так, то это хорошо, — спокойно сказал Нарушевич. — Я спокоен за то, что слышит от вас генерал.

— Это хорошо? Что же хорошего в том, что двух братьев зверски убили? И что хорошего в том, что Пётр, царь московский, видит в нашем Ордене только врага? — спросил итальянец. — Сейчас, когда есть возможности прочто стать в России, мы можем получить врага в лице царя Петра и его окружения. Эта история с похищением ребенка...

Тамбурины уже знал, что в России сбросили патриарха, который никогда не допустил бы появления иезуитов в Москве. Посланник генерала был осведомлён: даже в Боярскую думу теперь не зазорно явиться в европейской одежде.

Россия прочно становилась на путь европеизации. А это означало, что для Ордена Иезуитов открывались новые возможности и перспективы в этой дикой, но богатой стране, которая могла стать влиятельной в Европе.

— У тебя будет новое поручение: ты должен примирить Орден с царём. И заручиться поддержки у самого главного западника среди всех русских бояр...

— Не учи меня, кто есть кто в Московии! Самый главный западник — боярин Матвеев. Ещё был и, может, в скором времени вернётся из опалы Василий Голицын. Тут и вовсе наш человек по духу, пусть не по вере. Но они более тянутся к протестанской ереси, к Голландии и Англии.

— Если ты всё понимаешь, то почему затеял всю эту интригу с ребёнком? Разве непонятно было, что тот, кто смог возвыситься во время Стрелецкого бунта, кто смог сопротивляться русскому патриарху, — человек сильный и принципиальный? Он не будет прощать, пока жив... Ты же пробовал его убить? — говорил итальянец. — По всему вижу, что пробовал — и неудачно. А ведь генерал был о тебе хорошего мнения и считал, что Речь Посполитая в надёжных руках.

— Так и есть. Только один неучтённый фактор мешает мне — это Стрельчин. Я жду, когда генерал пришлёт должного умельца, чтобы убрать эту неожиданную и дерзкую преграду. Если сделать всё тихо, то уже скоро влияние идей, которые этот человек вбивает в голову русскому царю, иссякнет, — переменившись в лице и обнажив облик своего внутреннего зверя, сказал Нарушевич.

— Стрельчин может быть полезен генералу. Как мне сказали...

— Да знаю я, кто вам сказал. А не думаете, что Иннокентий сам является отступником? — почти кричал Адам Станислав.

— Всё возможно. Но если ты ещё раз меня перебежьешь, то разговор наш закончится, — спокойно, даже, казалось, дружелюбно сказал Микеланджело Тамбурины.

Но взгляд легата стал тяжелым. А потом, вдруг, Тамбурины улыбнулся.

— Я скажу, как вижу проблему, а вы, провинциальный генерал, решайте. Итак, сын уже у этого наставника русского царя. Можно сказать, что провинциальный генерал никакого отношения к тому похищению не имеет. Это же убитые братья все сами придумали? Мёртвым уже безразлично. Да и каждый даже после смерти должен работать на орден. Вот пусть они и окажутся злодеями, которые не послушались приказа, — подумав немного, итальянец стал предлагать варианты выхода из сложной ситуации.

Да, он приехал недавно лишь потому, что нужно было принять новый доклад о состоянии дел в России. И там, действительно, был тот самый Иннокентий, который когда-то с немалым трудом был представлен русскому патриарху. Именно он являлся основным источником всех знаний о России в Риме, в резиденции Ордена иезуитов.

Иннокентий немало чего сказал и поделился собственными выводами. В четвёртый раз Микеланджело Тамбурины общался с этим человеком и уже удостоверился, что зачастую Иннокентий делает правильные прогнозы. Но некоторые его высказывания сильно смущали итальянца.

— Порой я даже склонен полагать, что наставник царя послан самим Господом Богом. И об этом даже имеется отметина в виде креста, который растёт из его груди, — к такому выводу, неожиданно для посланника генерала Ордена иезуитов, пришёл Иннокентий.

Микеланджело тогда одернул Иннокентия, напомнив, что есть только истинная церковь и лишь католики могут быть посланниками Господа, а всё остальное — ересь. Но слова своего агента в России он не забыл.

Между тем, легат генерала ордена продолжал говорить о задачах, стоящих перед Нарушевичем, провинциальным генералом:

— Успехом твоей работы будет то, что в Москве откроется иезуитский коллегиум. Только через образование и воспитание московской дворянской и боярской молодёжи мы можем чего-то достигнуть в этой стране. Ещё мне нужно знать всё, чему обучают в Преображенской школе и в Московском Новодевичьем монастыре. Узнать нужно и о новом оружии. Думаю, эти сведения помогут нам в общении с правителями других держав, — сказал Микеланджело Тамбурины.

Сразу после этих слов итальянец развернулся и пошёл к двери. Нарушевич дёрнулся в его сторону, но итальянец остановил его рукой.

— И провожать меня не надо, — сказал он. Уже почти выйдя, обернулся и спросил: — Чьего сына вы подсунули этому наставнику царя?

— Саксонского курфюрста Августа, — ответил Нарушевич.

— Вы что, всерьёз полагаете, что этот похотливый саксонец имеет шансы стать следующим королём Речи Посполитой, и вы уже будете держать его на крючке?! — искренне удивился итальянец.

— Я понимаю, что у этого похотливого саксонца будет ещё немало внебрачных детей. Да они уже и есть. Вопрос только в том, кто мать этого ребёнка. И ведь она думает, что дитя блуда умерло...

— И всё же вы — истинный брат нашего Ордена. Разберитесь с Московией, и тогда генерал будет вами более чем доволен, — сказал Тамбурини и на этот раз точно вышел за дверь.

— Поплачем мы ещё все, когда этот станет генералом, — пробурчал Нарушевич.

Потом он прислушался к себе. Горечь от кажущегося поражения не улетучилась, но всё равно стало несколько легче и проще. Оказывается, пусть он сам в этом себе и не признавался, Адам Станислав Нарушевич опасался реакции Ордена на свой, казалось бы, проигрыш.

— Однако нужно самому уехать в Московию. И быстрее, а то как бы не опоздать к весне, когда должны окончательно подготовиться магнатские группировки к войне с Сапегами — этими ненавистными шептунами в уши польского короля, — сказал сам себе Нарушевич.

В кабинет, где происходила встреча с легатом генерала Ордена Иезуитов, зашёл секретарь Нарушевича.

— Будут ли указания? — спросил он.

— Да. Сейчас мне нужно плотно поесть, так что распорядись. И пошли письмо канцлеру Яну Казимиру Сапеге, чтобы он какое-нибудь посольство в Московию справил мне. И сам собирайся. Пока Стрельчина нет в Москве, нам было бы неплохо договориться с боярами и с царём, — сказал провинциальный генерал провинции Речи Посполитой Адам Станислав Нарушевич.

От автора:

Опытный аудитор попадает в тело писаря при ревизоре XIX в. Он знает схемы и видит ложь в отчётах. И вся уездная власть ещё не понимает, что для неё игра уже началась. <https://author.today/reader/543269> (<https://author.today/reader/543269/5128209>)

Глава 2

В двухдневном переходе к Вене.

2 октября 1683 года.

Когда разрабатывалась операция, просматривались некоторые вопросы, а именно ситуации, с которыми мы и столкнулись. Действовать на территории врага в полной автономии. Ну или почти что полной.

Для этого даже брали с собой сети, чтобы рыбу ловить, не много, но три невода везли. Силки на месте можно изготовить, чтобы ловить птицу. Есть арбалеты, причем многозарядные, чтобы охотиться. В том числе и на людей.

Соли... вот ее у нас, хоть этой ешь... ложкой. В турецком обозе взяли немеряно. Но вариант, когда придется охотиться и рыбачить для выживания, был настолько невозможен, что я удивлен, почему сейчас о нем задумался.

Все потому, что теперь мы будем выбирать себе базу, где станем, как укрепленный район, в круговой обороне. Хотя база не должна быть на глазах у людей — у наших врагов. Это должно быть глухое место, желательно в лесу, проход к которому знать будем только мы, так как мы его и сделаем, вырубив часть деревьев. Ну и чтобы линейные части турок не гуляли рядом, а если и зайдут, то получают такую партизанщину, что тут и останутся.

На обучении в Преображенском мы прорабатывали в том числе и такую тактику. Она очень подходила для пехотных соединений, в меньшей степени для кавалерии. Но для конных будет своя задача. Даром что ли я основной упор в этой операции делал на иррегулярные конные соединения?

— Созрела необходимость остановиться, осмотреться. Мне нужна разведка. Пришло то время, когда и казаки, и наши степные друзья должны показать всю свою доблесть и выучку, добывая сведения, — говорил я, отправляя отряды во все концы, но прежде всего к Вене.

База, которую нельзя будет сковырнуть даже двадцатью тысячами вражеских воинов, нам нужна ещё и для того, чтобы понимать, как двигаться дальше. А ещё важнее — знать, что происходит вокруг. Ведь условно – мы на месте. И теперь если и делать рывок, то только к столице Австрии и уже воевать всерьез.

Ну а как воевать-то? У меня меньше четырнадцати тысяч бойцов. Пусть каждый из них троих врагов стоит и по своей выучке, мотивации, главное, по вооружению. Но этого мало, чтобы выйти в чистое поле и крошить врага. Не для этого сюда прибыли. Чтобы воевать так, нужно было все войско под командованием Григория Григорьевича Ромодановского сюда вести. А это еще та задачка. Да они бы и половину пути еще не преодолели.

Уже к утру следующего дня, перекрикивая стук топоров, я слушал доклад Ибрагим, ну или переводчика, который чуть успевал за эмоциональным ногойцем.

— Наши отряды почти никто и не замечает. Они практически ничем не отличаются от тех разрозненных и даже организованных конных степных союзников османов, – удивлялся командир ногойцев.

— Я бы и сам не отличил, если бы вы не носили белые повязки на руках, – сказал я.

— Так все их носят, – удивился Ибрагим.

Да, носили все. Даже отряд краснокафтаных, то есть моего Стрелецкого полка, ставшего Вторым Преображенским. Короткие, удобные ярко-красные полукафтаны, воины, между тем, одевали лишь на время боя. Исключительно, чтобы можно было в дыму рассмотреть их.

И то, я уже понял свою ошибку в том, что в таких же цветах одеты турецкие янычары. Нам не довелось с ними схлестнуться, но не факт, что в будущем этого не случится. Так что белые повязки будут нам в помощь.

— Итак, удалось ли тебе узнать многое. Главное – как Вена, – говорил я.

— Разные слухи ходят... Отбили приступы турецкие гяуры...

— Христиане... Давай уважать веру друг друга, иначе много ссор будет, – поправил я ногайца. – Продолжай!

— Бой бы сильный. Мы встретили тех крымцев, кто участвовал в том бою. Мы побили их, там было-то две сотни, – Ибрагим явно хвастался.

— Какие вы молодцы! – сказал я, словно бы ребенок подошел ко мне и сообщил с гордостью, что и кашу съел и успел самостоятельно, не в подгузник, покакать.

Ногаец сарказма не понял, ну и ладно. Продолжал говорить.

Никакой культуры быстрого и четкого доклада. Это был разговор, наполненный художественным повествованием. Я терпеливо слушал.

— Значит, польский король разбит и с остатками своих сил в Нижнюю Силезию, – пробормотал я себе под нос.

— Не все... Говорят, что остался отряд из немецких воинов и двух тысяч имперских конных воинов, которые остались в Тульне, охранять мосты и переправу через Дунай.

О том, куда именно после поражения отправился зализывать раны Ян Сабеский и другие европейцы, ставшие под руку польского короля, достоверно не известно. Это уже логическое мышление. Но если он оставил городок Тульнан-дер-Донау, Тульну на Дунае, то путь лишь в Силезию.

Я усмехнулся. А ведь по всему очевидно, что история, пусть идет несколько иначе, но многое повторяется. Или все же нет потому те же названия звучат, которые я знал из предзнания? Просто более выгодного места для переправы польско-европейского войска, как в городке Тульне, расположенном в тридцати километрах от Вены, нет.

— Турки и крымцы поймали поляков на переправе через Дунай? – спросил я.

Ибрагим этого не знал. Но догадаться не сложно

— Продолжайте вести разведку. Вас принимают за своих, это хорошо, – сказал я и отпустил Ибрагима.

Вена... Что же с ней? Не опоздал ли я?

После того, как ушел ногаец, я отдал еще одно распоряжение. В разведку, но прежде всего, для диверсий, отправлялись группы. Десять групп по восемь-десять человек должны будут, применяя все навыки и знания, которые они получили в Преображенском и в моей усадьбе у Соколиного леса, наносить туркам максимальный урон.

И целью должна стать, скорее, не живая сила противника. Хотя выбор цели остаётся на совести и профессионализме командиров групп. Но важнее – подожженные, или взорванные вражеские магазины, заложенные фугасы на пути следования турецких обозов и отдельных подразделений, ночные диверсии по выводу турецких пушек из строя.

Много работы у диверсантов. Особенно если принимать во внимание тот факт, что в это время подобным образом не работает никто. Я рассчитывал на успех. Пока противник не пуган и не ожидает таких проблем, все возможно.

Диверсанты также будут заниматься и разведывательной деятельностью. Если кому-то получится взять толкового «языка», который будет знать обстановку на всех участках нынешней войны, то, конечно, эти сведения должны быть доставлены на базу.

Самая главная задача — узнать, какова обстановка возле самой Вены: взяли ли турки город?

Но была и ещё одна специальная миссия. О ней знали лишь два бойца из диверсионных групп. Если кто-то ещё узнает, то мне придётся несладко. Оправдать такое решение я не смогу ни перед кем, даже перед государем Петром Алексеевичем. Подобные методы ведения тайной войны считаются, безусловно, бесчестными.

Я вышел из шатра, вдохнул свежего, немного пахнущего прелой листвой вперемешку с хвоей.

— Хлясь! – щеку немного обожгло от моей же ладони.

Но это ничего, ведь удовольствие, что, наконец, этого жужжащего комара прихлопнул было куда как сильнее.

Работа кипела. Словно бы муравьи, солдаты что-то куда-то тащили, рубили, обтесывали, заостряли... Мы укреплялись. И я рассчитывал, что времени на это у нас хватает. Некоторые непростые решения должны были помочь выиграть немного времени.

Во-первых, часть из захваченного нами обоза стал распределяться по округе. Многие телеги, которые были либо наполовину разграблены, либо даже целые, но не имели особо ценного, отвозились подальше — на расстояние в одну-две версты. И там оставлялись.

Большая часть тех лошадей, которые были взяты нами в ходе последнего боя, отпускалась на волю. Мы просто не могли взять с собой всех трофейных коней — чтобы не отягощать себя окончательно. Хотя лучшие из них, конечно же, были прибраны к рукам.

Для чего это делалось? Я уверен, что на такую добычу, которая будет растаскана на версты вокруг, обязательно слетятся стервятники. Лошадей начнут ловить по округе, тратя на это и время, и силы. А телеги – это то, что и бросить жалко и отвезти сложно. Ведь упряжь мы уничтожили. Ну если только самим впрягаться.

А это всё означало, что меньше отрядов пойдёт по нашему следу. Мы будем выигрывать время, а оно для нас сейчас важный ресурс.

А ещё, что немало меня поразило, это то, что в обозе был алкоголь. Может быть, турки везли его для своих союзников или пограбили какой-нибудь венгерский или валашский городок. Вера не позволяла мусульманам выпить, а жадность не позволяла оставить без внимания такой ресурс.

Была вероятность того, что, найдя бутылки с хмельным — с венгерским вином, — некоторые из наших врагов решат немного расслабиться. Турки же воюют, а вот венгры, как их нынешние союзники, очень даже расслабятся.

Наше продвижение в течение двух дней сопровождалось постоянными стычками с мелкими отрядами противника. Здесь была такая концентрация врага, что говорить о скрытном перемещении не приходилось.

Мы даже в лес, который был выбран нами для укрытия, заходили с боем. А как только зашли, началась неимоверно кропотливая работа.

Не было ни одного солдата или даже офицера среднего звена, который не занимался бы подготовкой оборонной линии прямо в лесу. Даже с учётом того, что практически треть всего корпуса отправилась по своим заданиям, мы — русские люди — казалось, превратились в саранчу, которая безбожно пожирает лес.

Можно было отвернуться на некоторое время, увлечь себя разговором, например, с тем же австрийским послом Таннером, который никак не хотел покидать мой корпус. А потом повернуться и осознать, что около гектара леса уже вырублено. Упадут стволы, обрушатся ветви, и русские воины, превратившиеся в лесорубов и плотников, налетали на срубленные деревья и начали подготавливать их для того, чтобы выставить вокруг нашего лагеря.

Одновременно копался ров, и вместе с ним насыпался вал. Хозяйственного инвентаря у нас хватало. Мало того, теперь в каждой десятке, уже называемом плутонгом, было не менее двух походных лопаток, в будущем чаще всего называемых сапёрными. В каждой десятке был и свой относительно небольшой топор, можно было бы даже сказать, что боевой. Но это был проверенный инвентарь, который сейчас вполне уверенно применялся для хозяйственных нужд.

Чтобы нас блокировать в лесу нужно было врагу сконцентрировать не менее чем тридцать тысяч войск. И то... нашли бы мы место, чтобы прорваться. И я готовился к тому, что бои будут. Но... несколько дней нас и не тревожили. Будто забыли, не сообщили турецкому командованию.

Надеяться на это не приходилось. По всему видно, что события в Вене столь важные и требующие от турок всех сил, что на нас, как на того комара, будут обращать внимание только после того, как мы начнем действовать в полную силу.

Такое попустительство и отсутствие у нас активных боевых действий могу связать лишь с массовым штурмом Вены и желанием османов, если этот штурм все же удастся, быстро развивать успех. Зима близко! И пусть она не идет в сравнение с теми морозами, что окутывают Русь, для теплолюбивых турок даже небольшие минуса могут быть большой проблемой.

— Еще два дня! И крепость закончена, господин генерал, – сообщил мне Клейн де Йонг.

Этот голландец был одним из семи человек-иностранцев, если не считать посла Таннера и его людей, которые были в моем корпусе. Мне нужен был инженер. Вот для таких дел, как сейчас творятся вокруг. Понимания строительства лучевых крепостей в Москве не было почти что ни у кого.

Да, я был бы и не против того, чтобы со мной отправился Лефорт, к примеру. Вот только этот деятель то ли побоялся, то ли посчитал, что мое предложение не выгодно ему. Отказался. Вместе с тем, де Йонг жил в Немецкой Слободе, но работал чуть ли не чернорабочим.

Я и познакомился с ним по протекции Игната, который проверял работников моей новой мельницы в усадьбе. Оказалось, что Клейн успел побывать за морями, принимал участие в строительстве не одного форта Ост-Индской Голландской компании. Кое-какой практический опыт имел.

Поработали вместе, поговорили, чертежи начертили... Оказался толковым. Нет, не гений, не образованный военный инженер, но с пониманием военной инженерии на каком-то метафизическом уровне.

В любом случае, не боги горшки обжигают, де Йонг подучился, немного выучил русский и... Он поручик в моем корпусе – чин не самый малый – и отвечает за строительство оборонительных сооружений.

— Хорошо. У нас есть эти два дня, – отвечал я голландцу.

Четыре дня не было никаких достоверных сведений. За это время мы не просто окопались, а практически соорудили новую крепость.

Но стало понятно за это время, что турки знали о нашем нахождении лесу. Однако, судя по тому, сколько турецкий визирь отрядил воинов для того, чтобы сдерживать наш выход из леса, османы плохо представляли себе, какая сила сейчас скрывается в лесу.

Они пробовали провести разведку. Причем, со стороны Дуная. Но мы не располагались на берегу, скрывались в лесу. И более того, как стало известно, что одна небольшая галера приближается к месту, рядом с которым мы находились, то... Стрелки чуть было не обезлюдили турецкую лодку, выбивая всех, кто показался на палубе.

И все же мы дождались. Нет, пока не сведений, но попытки атаки на наши укрепления в лесу.

— Доклад! – резко потребовал я, врываясь в свою свежесрубленную избу внутри крепости.

Пахло тут не смолой ели, не свежестью березки...

— Завтра же помывочный день сделать для всех. А то неровен час еще какую холеру накличите своими немывыми телами, – сказал я собравшимся.

Понятно, что поход, что спешим, но о личной гигиене почти и забыли. Руки моем, а вот чресла свои – нет. И уже попахиваем изрядно.

— Ну? Жду! – напомнил я, зачем вообще экстренно собрались.

В рынду били тревогу, весь наш большой лагерь сейчас стал похож на растревоженный муравейник. Вот были муравьи-рабочие, стали муравьи-воины. А я тогда кто? Матка? Папка? Ну если следовать выбранному образу?

Между тем докладывал старшина Акулов.

— До трех полков, пешие, но на опушке стоят и конные, до тысячи, два алга, полка ихних. Это его казаки должны были сегодня дежурить на входе в лес. И, судя по всему, не проспали турку. Все идет штатно, вполне ожидаемо. Но почему такая тревожность внутри?

— Бах-ба-бах! – гулкие звуки выстрелов я уловил на грани восприятия.

— Поступаем так, как и мыслили ранее, – прервал я Военный Совет. – Идите к своим воинам!

Вышел из избы, вдохнул свежего воздуха. Посмотрел на смотровую вышку. Это повезло, что достроили.

— Ты со мной? – спросил я Матвеева-сына.

Тот стоял рядом и явно выжидал от меня приказа. Рвется в бой?

— Пока кровь вражью свою не возьму, не бывает мне спокойным, – сказал он.

Я посмотрел на Глеба...

— Бери полусотню мою! Но если хоть бы тебя и ранят... я добыю! Береги себя, – сказал я.

Сам же я поднялся на вышку и наблюдал, ну насколько это было возможным, как развивались события. Высоко сижу! Далеко гляжу! Вижу правда мало, кроны деревьев смешенного, лиственно-хвойного, леса мешали. Но недостаток визуальной составляющей компенсировали доклады, которые сыпались один за другим. Еще и немного фантазии, или предположений, и картина творящегося быстро стала понятной.

На входе в лес османов встретили меткие стрелки, которые, используя местность, заранее продуманные огневые точки, стреляли и вновь отступали. Турки не знали местности, часть из них угодили... нет, это было не болото, но такой мягкий и влажный грунт, что по колено увязнуть воину можно было.

Резвились и некоторые ногайцы, из тех, кто был истинным мастером стрельбы из лука. Так что получалось, что сперва врага били штуцерники, потом лучники, они застряли, рассеялись по лесу, попадали в ямы, которых было немало накопано и замаскировано.

Так что все разрозненные отряды турок, которые в итоге подошли к лесной проплетине размером в несколько квадратных километров, где и был наш лагерь, просто сдались нам.

И оставалось-то их всего, может, человек семьсот. Кто отстал, или откровенно заблудился, кто был убит, другие бежали из леса.

И вот тогда у меня возникла дилемма. Еще они, паразиты такие, не вступили в бой. А просто сложили оружие, когда поняли, что окружены. Сдались на милость.

Сделал ли я военное преступление, когда приказал всех пустить под нож? С морально-этической точки зрения — да. Но если брать юридическую плоскость, то никаких Женевских конвенций Россия не подписывала. В том числе и потому, что их нынче не существует.

Да и то, что два десятка моих бойцов, которых ранее турки смогли изловить в лесу, были распяты на крестах, оставляло за мной право мести.

После этого турки в лес не заходили. Курсировали у леса, но без попыток как-то выкурить нас. Хотя я опасался только одного – лес могут поджечь и тогда тут будет невыносимо находиться.

— Вы сделали преступление перед Аллахом, совестью и моралью, – сказал мне единственный оставленный пока в живых чорбаджи (полковников) османских полков.

— Да, может быть. Но я не верю, что вы стали обнимать жителей Вены, – зло сказал я.

Злился еще и на себя. Получилось узнать, то, что несколько подкосило меня. Не наломал ли я дров? Не слишком ли изменил историю?

— Вы уже ничего не можете сделать, – переводили мне слова турка. – Вена наша!

— Что? Вена пала? – спросил Матвеев, как-то невовремя подошедший ко мне.

— А польский король? – спросил вдруг оказавшийся рядом и австрийский посол. – Он не ударил по туркам?

Говорил он на немецком языке и... неожиданно на этом же языке ответил турок:

— Разбит и он, все разбиты. Вы, гяуры, проиграли. Будьте вы прокляты. Вы и ваши дети...

— Бах! – моя правая рука немного дернулась от отдачи от выстрела из пистолета.

Чорбаджи рухнул с немалой дыркой в черепе. Меня окатило его кровью и еще чем-то. Я посмотрел по сторонам, уже немало людей, комсостава стояли рядом. Удивительно быстро все узнали, что наша цель, город, который мы шли спасать, он... пал.

— Детей он наших трогать собрался! – сказал я, но это не звучало, как оправдание.

Меня никто и не винил. Все ждали слов. Того, что мы вообще собираемся делать.

— Что делать будем? Вену взяли! – чуть ли не с истерикой говорил Матвеев Младший.
– Мы шли спасать ее!

— Есть у меня еще один план, – задумчиво сказал я.

Разве же я не предполагал, что туркам в этой реальности удастся взять столицу Австрии? Был и такой вариант развития событий. Но насколько же он важный! Того и гляди, но из-за меня не станет Европы, а возникнут мусульманские государства-вассалы Османской империи.

Но я уже решил, что делать, чтобы не допустить этого.

— Тревогу не отменять. Готовиться на выход. А еще... берем весь пороховой запас и свинец. Стрелять и биться будем много, – решительно приказывал я.

Глава 3

Южнее Вены.

6 октября 1683 года

Те «языки», которые были захвачены и с пристрастием допрошены, знали немного. Чорбаджи я застрелил, но он и сам, в сердцах, сказал все нужное. Привычка принимать решения, основываясь на множестве вводных, в этом мире доставляла дискомфорт. Ну нет полноты сведений: ни аэрофотосъёмки, объективного контроля, аналитики... Но играем теми картами, что получили при раздаче.

Сейчас моё понимание происходящего базировалось, скорее, на трёх, может быть, не столь масштабных, но значимых опорах. Это моё предзнание. Я примерно понимаю, что происходит и что должно произойти благодаря анализу и его применению относительно существующих реалий. И оно дало сбой.

Я планировал все же успеть, не дать Вене попасть в руки османов. Ведь защитников столицы Австрии было в иной реальности всего чуть больше десяти тысяч профессиональных воинов и пять тысяч ополченцев. Я вел корпус, числом сопоставимым всем бойцам, что обороняли Вену. Да еще и с новым оружием. Выдюжили бы вместе и без помощи поляков, тем более, если они оттянули бы большие силы османов.

Но... не сложилось. Вена пала.

Второе, это логика развития событий. Тот же анализ, но который основывается уже не только на предзнании, но ещё и на тех событиях, которые произошли и явно не имели места в иной реальности. Крым... Мы его взяли и татары, бывшие в той истории, что я знал, уже не огрызаются туркам, не ершатся и ерепенятся. Татары теперь жилы рвут, чтобы только оказаться полезными османам.

Третья опора для принятия решений – сведения, полученные от турок. Очень обобщённые, неконкретные — хотя в какой-то момент они были готовы даже фантазировать, только чтобы не чувствовать боль.

Понятно следующее: польскому королю не дали спокойно и горделивым маршем подойти к Вене. У него были переходы похожие с тем, как шли и мы, вот только большее число воинов Яна Сабеского привлекало и большее внимание турок. Спасибо полякам, если что. Оттянули на себя османов.

Сам город держался отважно — точно известно о двух штурмах. По всей видимости, кроме того, что туркам удалось подорвать стены, подвести к ним траншеи, они брали числом и немало положили своих бойцов, но город взяли. В иной реальности, османы были менее решительны. Я? Ну а кто еще мог изменить обстановку? В иной реальности австрийцы по тоненькому прошлись. Сейчас...

— Мне нужен хоть один австриец! Ну или кто иной, кто знает, что произошло, — твердил я на каждом совещании, с которых начинался наш день.

Тоже новшество от меня. Встречались со всеми командирами на день два раза. Отвлекал людей? И да, но и нет! Такие совещания приводили к порядку, организованности.

А после каждого совещания, не менее чем два часа мы чертили карту. Да! Так долго и подробную со сносками и пояснениями. Так что и посол Священной Римской Бернад Таннер мне пригодился и его люди.

— А вот тут какой дом? Крыша двускатная, или плоская?.. Ширина этой улицы какая?.. Окна этого дома куда выходят?.. Река Вена протекает вот тут, а потом изгибается вот тут. Какие постройки на берегу, — вот такие вопросы звучали три дня кряду.

Не на все были ответы, но на многие. И теперь два писаря моих, один Акулова, один Матвеева – все они перечерчивали и переписывали отдельные части Вены. Потом карты отдавали офицерам, они учили. На третий день я принимал экзамен по знанию Вены.

— Вот мы вошли в Южные ворота, веди меня дальше и называй все дома и какие они, что встречаем, – говорил я очередному офицеру.

К штурму нужно было готовиться очень основательно. Мы должны и в этом выигрывать: знать город, в отличие от турок. Должны наметить, где ставить баррикады, где залегать стрелкам, командные пункты и так далее.

— Завтра мы выходим! – сказал я на пятый день такой работы. – Нынче решаем, кто остается здесь, кто идет.

— А здесь зачем? – спросил Акулов.

— Я отправил людей, ногайцев, да и казаков. Нужно подкрепление. Думаю, что они доберутся до Ромодановского. Нам нужны конные стрелки в помощь. Если все быстро сделают, то через две недели...

— Пройти вновь через вражеские земли? – перебил меня Матвеев.

— Конным, тысячам шести-семи? – усмехнулся я. – От большого войска убегут, малое войско одолеют и пойдут далее.

Это совещание продлилось куда как больше, чем многие ранее. Мы выясняли построение колон, скорость движения, порядок питания, кто остается тут, в лесу. Именно сюда должны будут прежде всего прийти те, кого я ждал на помощь.

А после все ринулись готовиться к выходу. Много работы, а нужно еще, и это был приказ, поспать не менее чем восемь часов. Нам предстоит двухдневная череда быстрых переходов. Останавливаться где-то более чем на пять часов нельзя. Противник должен быть ошеломлен появлением моего корпуса у Вены.

Все ушли. Я вышел из избы подышать свежим воздухом, или скорее порадоваться теплоте дню. Уже помылись все и отвлекающих ароматов мужских немывтых тел не ощущалось. Начало октября. На Родине, наверняка уже прохладно. А тут...

Улыбнулся. Щекотно. Смахнул с лица паутинку. “Бабье лето” тут во всю. Все же европейцам комфортнее жить, погода умеренная. Солнце даже не просто светило, оно грело. Так что свой полукафтан, ну или скорее уже камзол, пусть и свободного покроя, даже не застегивал.

А рядом с избой, на расстоянии, так как охрана не дремала, стоял австрийский посол. Сперва я его проигнорировал. Собирался перед уходом проинспектировать построенную крепость.

— Ты поговоришь со мной, генерал-майор? — спросил Бернард Таннер, улучив момент, когда я прошёлся вдоль периметра грандиозной стройки и собирался в своём шатре немного поработать с бумагами.

— Вы настойчиво меня ждете. Так что для отважного, я бы даже сказал — для отчаянного посла союзного государства у меня найдётся время для разговора, — сказал я, рукою указывая на свой шатёр. — Завтракали ли вы?

— К сожалению, не довелось, — развёл руками в явно притворной улыбке посол.

А вот у меня были другие сведения. Бернард не пропускал приёмы пищи. Чревоугодничал, отчего явно имел лишний вес. Но я не замечал, чтобы Таннер был медлительным, или ленивым.

Конечно, к нему были приставлены наблюдатели. Более того, один знал немецкий язык, уже потому, что сам был саксонцем на русской службе. Мне нужно было знать, что думает, что говорит посол.

— Раз вы не завтракали, то я полагаю, что удивлю вас кушанием. Вы ещё не пробовали азиатский плов? На мой вкус — лучшее, что можно приготовить из риса, — сказал я, попутно кивая Алексашке, чтобы тот распорядился подавать к столу.

Может быть, я и веду себя даже немного как барин. Но посчитал, что если есть возможность в походе создать пусть не уют, но достаточно комфортное пребывание, то почему бы этого не сделать?

Тем более, что в это время абсолютный аскетизм и отказ от комфорта будет расцениваться скорее, как негативная черта военачальника. Словно бы таким поведением подчёркивается худородность командира. Но без перебора, конечно, как некоторые европейские, да и русские, военачальники могут иметь прислугу до ста человек, иные так и личных музыкантов.

Мне более важна музыка боя, где основная мелодия – выстрелы, ритм задается громкими приказами командиров, но а дополнительным эффектом, порой отменным соло, является звон стали.

Да у меня-то и было всего в прислуге: один повар-армянин, которого я заметил ещё в Крыму, и два солдата, которые занимаются хозяйственно-бытовыми вопросами. И заведовал этим хозяйством Александр Данилович Меньшиков. Что удивительно, но двенадцатилетнему парню удавалось быть не просто назначенным командиром по моей личной хозяйственной части, но и уважаемым. Его слушали!

Вот только... Я тут недавно несколько проникся образом Петра Великого, который был в иной реальности. Понял отношение императора к Меньшикову, даже несколько повеселел. Меньшиков, скотина такая, обокрал меня почти на сто пятьдесят золотых турецких дукатов.

И вот, казалось бы, другого слугу за это можно было высечь, выгнать к чёртовой матери, в условиях военного времени — и более кардинально решить вопрос с вором. Да и сделал бы я это с другим. А вот с Меньшиковым...

Эти глаза! Полные раскаяния, молящие о пощаде, обещающие, что больше такого не повторится, что это лишь случайность, а сам Александр Данилович уж точно никогда бы не своровал... Такое поведение Меньшикова умиляло, обезоруживало.

Однако плёткой по спине Меньшиков всё-таки получил. И был бы кто иной, что справлялся бы лучше, заменил. Но нет, прикипаешь этому прохвосту. А еще он одной мимикой лица мог создать настроение. И это было очень важным.

— Это, действительно, очень вкусно, — сказал австрийский посол, растеряв столовый этикет и уминая плов за обе щёки.

Ещё бы! Я ведь знал: если мы будем бить турок на их коммуникациях, то непременно найдём здесь немалое количество риса. Так что озаботился — ещё в Москве у персидских торговцев купил немало нужных для плова приправ. Не все, куркуму не нашел. Но вот зира, без которой плов – лишь рисовая каша, была закуплена.

— Я восхищён всем, как вы разгромили турецкое воинство. Я восхищен тем, как мы тонко чувствуете свои возможности. Этот поход – бессмыслица на первый взгляд, но я же вижу, сколь ума и прозорливости использовали вы. Не имел ранее возможности высказать вам это при личной встрече, — поспешно проглотив полный рот еды и обтершись белоснежным кружевным платком, сказал Таннер.

— Вы сильно преувеличиваете, называя тот турецкий отряд, что мы разгромили, воинством, — ответил я. — Да и другие, кого били – уступали нам в числе.

— Может быть. Но сейчас я понял: будь враг вдвое больше, вы бы одолели его. Теперь я понимаю силу ваших новых тактик, возможности штыка и тех штуцеров, мушкетов, которыми вы столь удачно бьёте своего врага, когда он ещё не может ничем вам ответить, — выдал тираду Бернард Таннер.

Я подумал о том, что это было с его стороны несколько опрометчиво. А что, если бы я до сих пор жил в иллюзиях, будто могу сохранить тайну нового оружия России, которое, безусловно, будет приносить победу моему отечеству? Мог бы даже подумать о ликвидации австрийского посла. Мало ли что случается на войне...

Но я не был столь наивным. Прекрасно понимал, что если у России появились новинки, то они будут приниматься и армиями других стран. Тем более это может случиться в кратчайшие сроки, ведь ныне идущая война, как и все войны, поспособствует прогрессу и появлению новых тактик.

Это могло бы показаться даже слишком самонадеянным, но в целом я не был против гонки вооружений, которая может в каком-то виде появиться в этом времени. Если не будет понимания, что наши потенциальные враги, или даже союзники, вооружаются новейшим оружием, то крайне сложно будет продвигать рост военной промышленности.

Нужен России постоянно свистящий рак на горе, петух жареный, который клюется, чтобы русские люди не расслаблялись, работали. И вот тогда нам все по плечу.

И пока опасность для России актуальна, у меня есть аргументы, чтобы после похода задуматься об открытии все новых военных заводов, где будут производиться в немалом количестве штуцеры. Ведь пока что мы используем те винтовки, что были сделаны в моей мастерской или в мастерской моего брата (всё-таки, скорее, это его вотчина).

— Но я полагаю, что вы хотели поговорить не о той битве. Так что я вас слушаю, — перевёл разговор в более деловое русло я.

— Вы спасете Вену? — прямо спросил меня посол.

— Все в воле Божией, — уклончиво отвечал я.

Мы говорили на немецком языке. И в этом я даже был несколько благодарен послу за то, что имел возможность практиковаться и находил свой немецкий весьма недурным.

В этом времени зачастую можно мало понимать в каких-то науках, писать с ошибками, не знать элементарной физики, но уровень образования будет считаться высоким, если владеешь иностранными языками. Мол, если пишешь и читаешь на голландском, английском или немецком — ты имеешь доступ к великим знаниям. И, в отличие от тех, кто говорит только на русском, словно бы в интернете, но во множестве книгах, при необходимости всегда найдёшь ответы на многие вопросы.

— Вы не ответили. Прошу простить меня, но это важно... Вы собираетесь спасти моё Отечество? — вопрос прозвучал не в глаз, а в бровь.

— Да. В целом, да, — решил прямо ответить я.

— Тогда почему мы надолго застряли в этом лесу и начинаем строить военный лагерь, как это делали некогда римляне? Если раньше я читал, что подобные лагеря возводились ими буквально за день или два, но не верил, что подобное возможно, то теперь вижу...

— И невозможное возможно, — перебил я посла.

— Могу ли я у вас узнать, как обстоят дела под Веной? — с явными нотками грусти спросил посол. — Город взят, но может рядом есть войска, которые...

— Не рассчитывайте на это. Мне все не известно, но уверен, что в Вене сейчас не должно быть много турок. Если визирь не дурак, а на это надеяться не стоит, он будет развивать успех. Заберет все, что только можно, — озвучил я некоторые свои размышления.

А ведь он не верит в то, что его соотечественники смогут отбить Вену, уже пробует смириться с потерей. Впрочем, если апеллировать лишь цифрами, то у австрийцев и шансов не было. Вся надежда на то, что подойдут многие европейские отряды, соединятся с польской армией — и только это воинство сможет снять турецкую осаду. А сейчас на кого рассчитывать? На Францию и Венецию с папой римским? Но если и да, то в следующем году.

— У меня пока сведений мало. Вы сами должны были видеть, что многие разведывательные отряды отправились узнавать, что же происходит. Но я поделюсь с вами теми вводными, которые были добыты нами от некоторых турецких командиров, которых мы взяли в плен после боя, которым вы так восхищаетесь...

— Я благодарю. Но тогда не могу не задать иной прямой вопрос: что вы хотите, если вдруг все получится и вы поможете моему императору?

— Я сделаю всё возможное. И хотел бы, чтобы вы поняли, чего я жду от своих союзников. Мне не нужна просто благодарность. От денег я, конечно, не откажусь, но рассчитываю, что получится взять немало трофеев, чтобы окупить это мероприятие. Мне нужно, чтобы австрийская армия помогла нам взять ряд крепостей в северо-западной точке Чёрного моря... — я решительно посмотрел прямо в глаза Таннеру. — И ещё мне нужен флот. Мы найдём место в Крыму или рядом с ним, где будем строить. У меня нет каравелл, иных современных кораблей, нет опыта строительства больших судов. В вашей же империи всего хватает... Ну или Венеция поможет, испанские родственники Габсбургов.

Мои требования могли звучать чрезмерными. Но только если бы они прозвучали ещё до того момента, как османы осадили и взяли столицу Австрии — Вену.

Я прекрасно понимал, что австрийцам никак не улыбается строить в России флот. Не сильно им улыбается и воевать за нас.

Но требования должны были прозвучать. Ведь по всему выходит, что если австрийцы не будут выполнять своих союзнических обязательств, хотя бы в той мере, в какой это делаем мы сейчас, то говорить о союзе не приходится.

Я мысленно усмехнулся, предполагая, что было бы неплохо одновременно сделать тайный посыл всей австрийской дипломатии. Мол, если Священная Римская империя не станет нам деятельно помогать, то кто его знает... Мы — северные варвары, которые могли бы пойти на союз с южными варварами. Вместе с турками в союзе!

А ведь предложи мы Османской империи, что она оставит в покое Крым и подпишет с нами мирный договор, даже союзнический договор, если Россия выйдет из Священной лиги... Ох, и не завидую я тогда Европе!

— А как вы оцениваете ваш возможный союз с османами? — вопрос Таннера заставил меня вздрогнуть.

На несколько секунд я настолько опешил, что стал присматриваться к этому человеку. «А не является ли он каким-нибудь... чародеем, волшебником, менталистом, который умеет читать мысли?»

Но мысленно одёрнул себя и подумал о том, что не мешало бы мне сегодня чуть пораньше лечь спать. И поспать не восемь часов, а все девять. Даже несмотря на то, что всю ночь будут стучать топоры и кричать командиры, подгоняя бойцов продолжать строительство.

— Ну, если Россия будет обижена, и при этом многие русские воины положат свои головы, защищая Вену, а мы уже завтра идем туда. Еще если и османы предложат нам Крым... Но это реальная политика. И вам, мой друг, должно быть предельно понятно, что друзей у государств не бывает. Бывают лишь временные попутчики, — сказал я.

— Безусловно, фраза верная и свойственная для дипломатов ныне живущих. Все вокруг лукавят, притворно улыбаются, при этом сжимают эфес своей шпаги, — Бернارد посмотрел на меня примерно тем же взглядом, что я ранее — изучающим, словно бы заподозрил в чём-то. — Не могу понять всех ваших смыслов и намерений. Я не мог понять даже и того, зачем вы численностью не более чем пятнадцать тысяч человек отправились в такой поход. Но не самоубийца же вы, право слово. Сейчас же я кое-что понимаю.

— Любопытно, — сказал я, принимая чашку крепчайшего кофе с сахаром, который принёс Меньшиков.

— То, что вы отправили невообразимо много отрядов, в поисках сведений о происходящем, как вы составляли карту Вены, говорит о том, что вы хотите появиться в самый критический момент и тем самым снискать для себя славу даже таким невеликим воинством, коим вы сейчас командуете. Но Вена взята, — последние слова Таннер чуть ли не прокричал.

— Может быть, и так. Но уж поверьте, я не самоубийца. Если я не буду видеть хоть каких-то шансов на то, чтобы сделать своё дело, то я даже отвернусь, отправлюсь обратно в Россию. Ведь Русская держава никак не нарушает взятые на себя обязательства: воюем с турками. Уже

обложен осадой Очаков, будем готовы скоро взять и Азов. Так что мы воюем с османами в ту силу, в которую даже вы, наши союзники, не верили, — сказал я, потом улыбнулся и показал на кофе. — Мой повар готовит удивительно вкусный кофе. Попробуйте! А ещё он с сахаром, так что будет весьма вкусно. Я надеюсь, что плов и кофе станут теми воспоминаниями, когда вы будете думать о русском гостеприимстве и вспоминать столь необычное, но сытное и вкусное кушанье.

— Могу ли я завтра быть рядом с вами? – просил Таннер, когда я уже всем своим видом намекал ему, чтобы и честь знал, пошел бы прочь.

— Нет. Это будет бой с недо конца понятным исходом, – отвечал я.

От автора:

У меня День Рождения. В честь праздника на все книги большие скидки. <https://author.today/post/778066>

Глава 4

Вена.

11 октября 1683 года

«И что же делать?» — шумел в голове вопрос. — «Что делать?»

«Снимать трусы и бегать» — вот так ответил бы мне мой дед, если бы я проявлял сомнения и, если бы заранее не просчитал подобный вариант.

Да, что Вена падёт, мне казалось маловероятным. Скорее так... По моим расчётам я должен был успеть. В этой реальности осада Вены не продлилась и половину от того времени, что было в истории, которую я знаю.

По всему выходит, что хватило силы слова или маленькой раздавленной бабочки, которая, казалось бы, не повлияет на ход событий. Каждый наш поступок, может быть и только лишь мысль, все имеет огромное значение. Я стал влиять на происходящее и, возможно, подтолкнул какой-то карточный домик к разрушению.

Но ведь для России ничего катастрофического не произошло. Да и для меня. Разве же несколько ослабленная Центральная Европа, ну или Южная – это критически важно? Нет, важно. Очень даже. Уже потому, что Османам не придется оглядываться на то, что же сделает Австрия, если, к примеру, Россия пойдет в наступление.

Вот только и Австрия тогда не будет ставить палки в колеса разгоняющемуся русскому велосипеду, в движении который превращается в мотоцикл, потом, если все сложится, так и в грозный локомотив превратится. Сложно. Все очень сложно.

И потому однозначное решение, что нужно идти и спасти европейцев не стало казаться единственно верным по прошествии нескольких дней, пока мы готовились к решительному выходу.

Единственное — если я сейчас не приму серьёзного и бесповоротного решения, — выдвинуться в Австрию такими небольшими силами, то мне придётся несолоно хлебавши возвращаться в Россию. А это может быть и не позор, но некоторая неудача — точно. Любой мой недоброжелатель может перевернуть ситуацию таким образом, что я проиграл. Даже если мы вернёмся в Россию с большим обозом.

Да и, признаться, мне не хотелось проигрывать вот таким вот образом, когда мы, не дойдя всего-то каких-то полтора дня быстрых переходов до Вены, останавливаемся и живём в лесу, никого в него не впуская, ожидая, когда нас окончательно окружат освободившиеся от осады турецкие силы.

— Я не слышу ни одного предложения, — строго сказал я, вглядываясь в глаза людей, собравшихся на Военный Совет. — Почему я слышу, как вы возмущаетесь между собой, но не высказываетесь мне?

Я был зол. Да, мне доносили обо всех услышанных словах или фразах, что говорят люди, обличенные мной властью. Решение было принято и мало того, что я сомневался, так и другие подливали масла в бушующий огонь страстей.

Многие из собравшихся, особенно Матвеев и, до обличения предателей среди казаков, старшина Акулов, ожидали, что я, дескать, должен был бы давать им больше права голоса и принятия решений. А то, мол, уже на готовые действия их приглашаю.

Как будто бы я, действительно, кого-то приглашал. Акулов здесь по большей части из-за того, что в прошлый раз наше сотрудничество принесло ему просто огромные деньги, казацкую славу и в целом удовлетворение. Он на Дону теперь далеко не последний человек.

Командир ногайцев Ибрагим, который также хочет побольше самостоятельности, — это марионетка моего тестя. Так что игрушкам слово не давали.

Ну а что касается Матвеева... Вот с ним мне нужно наладить отношения. Странно получается: когда я к человеку отношусь в целом неплохо и считаю его неглупым, а нормального диалога не выходит. Это что? Отличительная черта всего рода Матвеевых такая? К Артамону Сергеевичу я так же отношусь с почтением, у нас одно, или почти одно, видение проблем. Но... Он все равно мой оппонент, который, того и гляди, может превратиться во врага.

Непродуктивно это, да и в целом глупо. И я понимал, что такие проблемы можно решить очень просто: стоит мне прогнуться под Матвеевых, стать только лишь их человеком, как все решится. Да и я буду, как сыр в масле, ну или как у Христа. Но... Я тоже человек со своей гордостью, пониманием чести. Не хочу.

Я потребовал от людей предложений, ну коли они меня критикуют, но все молчали. Самый очевидный ответ, что нам пора бы возвращаться назад, ну и чтобы не выглядеть потерпевшими поражение либо не выполнившими задачи, на которые замахивались, — пограбить всех вокруг и прийти с большими обозами. Это предложение никто не выдвигал.

Хотя было видно, что с ним в принципе согласны. Альтернативой же, по моему мнению, могли быть два решения: первое — это никуда не ходить, оставаться в лесу, заниматься диверсиями, тем более, что диверсионные группы уже отправились к Вене, и именно от них и пришли подтверждения, что столица Австрии взята турками.

Но так как нас всё равно обложат, ибо сил и средств для этого у турок, когда они взяли столицу Австрии и Священной Римской империи, когда они смогут освободить часть своих сил, хватит, чтобы нас прижать.

Но был ещё один вариант, кроме последнего бегства.

— Если молчите, то кабы более ни слова про то, что я приказал неверно. Вы – подчиняетесь мне. Вольницы тут нет и не будет. Кому не нравится, уходите, но врагами мне станете! – жестко говорил я.

Понимал, что собравшиеся сейчас чувствуют себя униженными. Но... критикуя – предлагай. Работает только такой принцип. А все остальное – бесчестно. И если бы этого не понимали собравшиеся, то не молчали бы в тряпочку, понутив голову.

Да я и сам сомневаюсь, но делаю, что должно!

— Если бы нынче разговор наш не шёл о чести России и нашего государя, то я бы сказал вам, что будем возвращаться мы в земли русские. Но нет. Иное предлагаю я вам, — сказал я, выдерживая паузу.

Ну а когда я озвучил предложение всё-таки идти к Вене, то поймал недоумённые взгляды со всех сторон.

Ведь пока мы только готовились к выходу и все выглядело так, что отбивать всю Вену мы собрались. А потом, получается, что и удерживать ее до морковкиного заговения, то есть до... что никогда не наступит. Ну или пока мы не умрем. Но теперь, когда я уже знал карту Вены, может и не хуже, чем Москвы, когда я, основываясь на своих записях с Преображенского по возможностям обороны, предлагал иной план.

— *Биться с туркой в городских постройках у нас сил хватит. Самое опасное для нас – это пушки врага. Но... бой по нам пушками будет неудобен. Где они, эти пушки, расположат, если мы их на подходе сможем бить из своих штуцеров,* — объяснял я тот план действий, который ранее не был мною озвучен, но как один из маловероятных рассматривался. – Провести артиллерию по узким улочкам Вены – невозможно. Еще и сама преграда будет – река Вена и два ее канала.

— А как мы в таком разе победить должны? — ничего не отрицая, предельно серьёзным голосом спросил Матвеев. – Пусть не проиграем, победить-то как?

Вот именно этот вопрос и меня мучил. Но...

— Европейские страны не оставят взятие Вены без внимания. Останется лишь только нам продержаться, когда придёт новое воинство, и помочь ему выбить турок из Вены, – я

задумался, стоит ли говорить о том, что есть еще некоторые факторы, силы, что могут нам помочь...

Но пока я думал, было кому сделать выводы и сравнить мой план с некоторыми событиями не такого уж и далекого прошлого.

— Стояние в Азове, — достаточно громко, но словно бы только сам себе сказал Акулов. — Да, это выйдет, как стояли казаки в Азове, ими захваченном.

— Оно, похоже. Но только с расчётом ещё и на то, что к нам подойдёт подмога со стороны Польши и со стороны европейцев. Ну или от наших соотечественников — сказал я.

— Это опасно. Смертей будет много. Но чести и славы у нас будет ещё больше, — неожиданно произнёс Матвеев.

Я посмотрел на него с благодарностью.

Да, был такой эпизод в истории, о котором до сих пор ходят различные байки, особенно среди казачества, что Россия предала казаков и не поддержала их в той, в одной из величайших авантюры.

Было дело, что запорожские и донские казаки взяли приступом крепость Азов. Стояли в ней много месяцев, просили у русского царя Михаила Фёдоровича поддержки, которую он оказывал, но оружием и провиантом, не вступая в войну с турками непосредственно.

Тогда лишь только разногласия среди казаков и повлияли на не самый лучший исход этого стояния в турецкой крепости. Если мы прямо сейчас договоримся обо всём, да и ситуация у нас несколько иная и вольности меньше, то внутренних разногласий можно будет избежать.

Более того, я был более чем уверен, что не настолько долго нам придётся ждать помощи. Католический мир наверняка уже настолько испугался взятия Вены, что не удивлюсь, если и протестанты станут рядом с католиками, лишь бы гнать мусульман.

Хотя, по тем данным, что у меня есть, протестанты первоначально были бы даже и не против того, чтобы пожить под пятой османского султана. Мол, ему не будет никакого дела до религиозных проблем, и протестанты смогут спокойно жить.

Как бы не так. Уверен, что сейчас идёт тотальное разграбление Вены, сопровождаемое насилием и прямым уничтожением многих. А кто дальше? Силезия, к слову богатая область Священной Римской империи, или Богемия, Чехия, — еще более богатая? Да и в Богемии много протестантов.

Решение далось нам нелегко. Тем более, что в таком деле несколько выпадают наши ногайские союзники. Ведь они действовать в условиях городской застройки не смогут. Не на то заточены их сабли. Но... для всех найдется задача.

— На другом берегу Дуная есть еще силы, которые помогут нам, — сказал я, смотря на австрийского посла.

Таннера я так же пригласил на Военный Совет. Пусть слышит все, о чем мы сейчас говорим, проникнется, как русские, и не только, люди готовы воевать за Вену, за австрийскую государственность.

— Тогда я отправляю прямо сейчас вместе с ногайцами, чтобы они провели до границы отряд, который устремится к Ромодановскому. Даже тридцать тысяч воинов в помощь нам хватит, чтобы сильно укрепиться в Вене или даже по большей части освободить её от турок, — сказал я. — Но это уже дополнение к решению.

— На Дон и к запорожцам тоже нужно отправить людей. Лихих казаков хватит, чтобы и от них двадцать или тридцать тысяч пришло, — предложил дельный вариант Акулов. — Братья станичники быстро придут. Многие старшины просились с тобой, с вами, господин генерал-майор, идти. Уж больно лихие гроши мы в Крыму взяли и коней много и...

— Понятно... Вот и отправляй кого, пусть присылают. Лишним точно не будет, — сказал я, не особо веря в действенную поддержку казаков.

Нет, они и не против прийти, уверен, что позвал бы казачество с собой Ян Собеский, так побежали бы. Там много таких, кто за любой этот... кипишь. Но как быстро придут? Чтобы многие были лошадными, так нет этого.

Но если грамотно подойти к составлению тех воззваний к казакам, то многие из них придут. Жажду наживы никто не отменял, а казацкие сабли уже давно должным образом не затачивались.

На утро, когда еще алеющий рассвет можно было увидеть и прочувствовать только забравшись на вышку, оставив небольшой гарнизон для той крепости, что была построена внутри леса, здесь же оставив практически половину ногайцев, мы отправились к Вене.

На выходе из леса пришлось немного пострелять. Турки выставили не более двух полков и растянули их по большому периметру. Такие силы сдержать нас не могли. Мы не столько убили тех врагов, сколько прогнали, хотя и был соблазн сыграть “в догонялки”, но время – ресурс, особо важный сейчас.

А потом, на удивление, продвижение к Вене в течение целого дня было беспрепятственным. Понятно, что сейчас османское воинство занимается тем, что грабит столицу Австрии и её округу с недостойным усердием. Понятно и то, что нужен день-два, чтобы собрать войско для противодействия нам. Парой полков нас не взять. И люди в этом времени везде одинаково медлительны. А турки... Тем паче.

Потом отдых. Послали отряды на разведку, причем не к Вене, в сторону от нее, к Дунаю, словно бы мы, а это было бы более логичным, собираемся переправиться к жалким остаткам европейского воинства. Ну кто же подумает, что такой вот небольшой корпус собирается брать Вену?

Ночью был переход. Быстрый, без отдыха, только что на два часа, и не из-за людей, а лошадей чуть побережь. И...

— Бах, бах, бах! — прозвучали пистолетные выстрелы.

Мой отряд нёсся к открытым воротам частично разрушенной крепостной стены Вены. Турки разбегались, словно те мыши, кубло которых решил топтать человек.

Я неожиданно для врага выскочил к южным воротам. Туда, где уже кипел бой, и мои диверсанты держали оборону, чтобы впустить основные силы в город.

Раннее утро, густой туман, крик тысяч глоток не могли предоставить нашему врагу достоверную информацию, какие силы сейчас атакуют уже, казалось бы, османскую Вену. Много? Так нет смысла сопротивляться. Мало? Да кто ж его знает. Но и для малых сил нужно было проснуться, собрать отряды, вооружиться, выдать пороховой заряд... А тут город, грабить который турки продолжали и через неделю после взятия. Мало ли кто где спрятался.

А тут ещё и пушечные разрывы, оглушающие округу, множество ружейных и винтовочных выстрелов.

Даже мне, летящему на всех парах в город, могло показаться, что к Вене пришла сила не меньше чем тысяч в семьдесят. А ведь я боялся именно момента вхождения в город, когда мы казались наиболее уязвимыми. Но, как известно, у страха глаза велики. Так что уверен, что многие турки рисуют в своих фантазиях такую картину, что к ним пришло войско, как бы не сопоставимое с тем, которое есть у самих османов.

Нам нужно было только зайти в город. Зайти и занять один или два квартала. И эта задача оказалась вполне посильной.

— Ба-бах! — прозвучал мощнейший взрыв совершенно в другой стороне, на западе города.

Что же должно происходить там, с теми турками, что ближе к эпицентру, если у меня, находящегося в четырёх или пяти верстах от взрыва, немного, но заложило уши. Ощущение, как прилетела трехтонная бомба, не меньше. Ну или я уже стал забывать.

О том, что турки собрали много пороха и бомб, и у австрийцев, и своих было предостаточно, конечно же, мы знали. А те группы диверсантов, которые были отправлены загодя, разведали всё, что нужно было, чтобы совершить качественную диверсию. И, за что получают свои дополнительные сто рублей и по две части трофеев, подгадали время.

Что же должно происходить с врагом? Какая каша у них в головах, растерянность и страх. Ведь больше всего боишься того, чего не знаешь. И, как следствие, паника. Вот на такой волне и предполагалось нам действовать.

Эти склады могли быть взорваны ещё раньше, но событие мы приурочили ко дню вхождения русских в австрийский город. Мало ли, может, когда-нибудь такой день будет отмечаться.

Находясь под плотной защитой своих кирасир, я шел к городу. Это если считать воинов, которые на конях, и в кирасах, кирасирами. Отвлекаться было некогда — нужно было скорее управлять конём, чем смотреть, как развиваются события.

Так что я даже не заметил, как мы влетели в ворота и тут же отбросили изрядно поредевший отряд турок человек из семидесяти, который пытался напирать на две группы диверсантов, удерживающих врата для нашего прибытия.

На входе в столицу Австрии, временно оккупированную турками, началось столпотворение. Пускай и был некоторый расчёт, и к Вене подходили волнами, но сейчас три тысячи моих бойцов, конные, мешали друг другу войти в ворота.

Если бы турки ударили по нам прямо сейчас, то это было бы фиаско. Мне казалось, что мы настолько сейчас беззащитны, уязвимы, что сжал кулаки, посматривая по сторонам, не организовались ли наши враги.

Нет, не организовались. И врагов-то этих было не так много, уж точно не двести тысяч. Османский визирь повёл своё воинство в сторону Праги. Этот факт, когда я узнал, развеял все сомнения и теперь мы работаем первым номером, примеряя на себя роль хищника. Отличная роль, оскороносная выходит!

Молодец какой визирь, все же! В данном случае он работает в мою пользу. Ведь европейцы, которые явно не хотят всерьёз воевать с турками, могли бы даже смириться в какой-то степени с захватом Вены. Скажем так, может, не столько с этим смирились бы, но прусаки и французы — точно.

А вот теперь всем им нужно будет всерьёз задуматься, кто будет следующим. Агрессор-то не останавливается; агрессор почувствовал кровь и свои возможности и теперь будет двигаться до тех пор, пока ему не дадут по шее. Тут и Франция с их негласным союзом с Османской империей, должна подумать.

Так что в Вене оставалось порядка тридцати тысяч солдат и офицеров османской армии. При этом большая их часть была собрана на высотах с северного подхода к Вене. Это полдня пути.

И даже если эти воины сейчас уже и на пути к столице Австрии, они не успеют ударить по нам. Тот же турецкий гарнизон, который оставался в Вене, откровенно проспал наше нападение. Да и куда тут быть бдительным, когда город пал окончательно всего лишь шесть дней тому назад и до сих пор происходит процесс массового ограбления богатой австрийской столицы.

Уже скоро начался процесс расширения нашего плацдарма. Штуцерники в этом деле играли, может быть, и главную роль. А ещё для метких стрелков нужно будет обязательно усилить подготовку лазания по деревьям и любым строениям.

Нет, и сейчас воины справлялись с достаточным проворством. Но, как мне казалось, могло быть и быстрее. Стрелки залазили на крыши домов и оттуда начинали стрелять по всем движущимся целям в досягаемости зрения. Задели они австрийцев? Может быть. Хотя, я уверен, что все, кто еще остался в городе и живой — все прячутся по подвалам, на худой конец просто в домах.

Внутри города тумана было меньше, да и в целом эта предрассветная дымка исчезала, уступая место облакам сгоревшего пороха. И метров на двести с крыши домов стрелки должны были различать цели. Ну и, конечно, отрабатывать по ним.

Я стоял внутри надвратной башни. Она была целая, лишь только следы от попадания пуль виднелись, но, по всей видимости, прорыв турок был не с этой стороны — нет тут серьёзных разрушений.

И мне было достаточно неплохо видно, а с каждой минутой ещё лучше, когда под ударами лучей солнца рассеивался туман. Так что я прильнул к зрительной трубе и смотрел затем, как ногайцы гоняют турок по полям возле города.

Наши противники попробовали организовать, и не менее, чем два полка пехоты устремились в сторону тех ворот, которые мы взяли и через которые сейчас внутрь города заходил мой корпус.

По всей видимости, визирь вполне здраво рассудил, что многие кавалерийские части возле города просто не нужны. А вот в походе на Прагу они незаменимы. Так что пехоты турецкой тут было много, даже заметил отряд янычар. А конных, нужных сейчас врагу, нет.

И вот, когда ногайцы вынырнули из тумана и выступили на турецких пехотинцев, те встретили их огнём из мушкетов. И не менее трёх десятков ногайцев были сражены пулями турок.

Но далеко не все турецкие мушкетёры успели подготовить свои карамультуки к выстрелам. Ну а выставленные не плотно, а редко, копыта были в данном случае бесполезны.

Почти тысячный отряд ногайцев, которые умеют работать не только луками, но ещё и отрабатывают копытами, врубились в построение турок и разметали их тут же.

А сейчас на поле возле Вены происходит прямо потеха: турки убегают, ногайцы стреляют их из своих луков в их спины. Конечно, у врага ещё достаточно сил, чтобы не дать нам полностью взять Вену. Да и такими силами, которыми я располагаю, захватить город и хоть сколько-то его полностью удержать не получится.

Но растерянностью противника нужно пользоваться максимально.

— Бах, бах! — с крыши дома, расположенного вглубь города метрах в двухстах от надвратной башни, раздались новые выстрелы.

Через некоторое время винтовки сделали ещё три выстрела, а потом один из штуцерников поднял вверх красный флажок. Это означало, что в своей зоне видимости он не замечает более врагов, а те, которые были, уничтожены меткими выстрелами.

И тут же по этой улице вперёд отправились русские бойцы. Причём уже особо не опасаясь, но впереди всё равно шли облачённые в кирасы штурмовики.

Таким образом, слаженной работой, отточенной на учениях и меньшей степени в Крыму, и продвигались. Оставалось теперь только наметить ту линию, на которой мы остановимся, и те кварталы, которые мы будем контролировать. Ну как... все отмечено и запланировано. Но, как я видел, можно брать больше. Даже и для того, чтобы после было куда отступить.

Пока не пришли основные силы, пока они не опомнились, таким образом, чтобы взять нас сходу было бы просто невозможно. А для этого было бы неплохо иметь естественные преграды в виде речушек, плотных построек.

Именно поэтому мы всё-таки подошли к центру города — именно здесь были добротные каменные сооружения, в которых можно обороняться.

И нет, в моём понимании всё то, что мы сейчас сделали, не было авантюрой. Для войны будущего подобные действия вполне резонны. Это городские бои, в которых изматывают противника, где можно обороняться меньшими силами. Разве не так воевали в XXI веке? Беспилотников только и не хватает.

И что важно — мы умеем так воевать, в условиях города. Преображенцев учили действиям в условиях городской застройки. И пусть их учили прежде всего штурмовать, но и оборонительные действия также отрабатывались.

А ещё у нас есть оружие, которое позволяет держаться в городе и бить врага на подступах. Хватило бы пуль. Хотя пулелейки есть, но из них пули с расширяющимися юбками выходят гораздо хуже. Нужно потом ещё сидеть с напильником и доводить боеприпас до кондиции.

В городе звучали выстрелы, но они становились всё реже. Я принимал доклады и знал, что турки готовят свои силы для того, чтобы ударить по нам уже не отдельными полками, а мощным кулаком.

Но в целом задача была решена. Мы закрепились в пяти кварталах, с выходом к центру города. И теперь нужно выдержать первый натиск турок, а потом начинать готовиться к длительному, активному сидению в Вене.

Глава 5

Тульн.

13 октября 1683 года.

Польский король Ян Собеский гарцевал на своём скакуне. Нестройные ряды поляков, встречали короля нестройными возгласами. Они хотели показать, что готовы, не сломлены. Но чем больше было желание, тем ярже демонстрировали усталость и удрученность. Кричали нескладно, неорганизованно.

Король жаждал воодушевить своих воинов, чтобы те, забыв о недавнем поражении, собравшись с силами, вновь ударили по врагу. Кем бить? Остатками в пятнадцать тысяч? Да еще и запорожцы погрязли в мелких столкновениях с татарами.

Хотя все вокруг прекрасно понимали: бить турок — даже тех, кто сейчас остался в Вене, — это самоубийство. Впрочем, на Военном Совете сам польский король высказывался в пользу того, чтобы бить врагов не в самом городе, в Вене, подступы к которой турки держат на оборонительных линиях. Поляки выбрали себе соперниками куда менее мощного врага.

Предлагали сперва решить проблему с татарами, разгромить их, чтобы уже после сидеть в Тульне и собирать силы. Должны же были из Европы присылать подкрепления. Император занимался этим, папа римский кричал об этом же.

И уже потом, когда будет накоплено много сил, и ударить по Вене, или идти по следу османов к Праге и там дать генеральное сражение. Но эти силы были крайне малы, чтобы сражаться. Ну если только около двух тысяч польских гусар, да еще и двух тысяч имперских тяжелых кавалеристов. Только они и могли бы ударить по врагу.

— Ещё не умерла Польша! — кричал скачущий следом за своим королём пан Мартин Контский.

Этот уже далеко не молодой человек пытался показать свою доблесть и молоджавость. И сейчас все эти остатки польского войска, которые перешли на другую сторону Дуная и не решались его форсировать, смотрели и на польского короля, и на его заместителя — Мартина Контского. Наблюдали за действием и австрийцы.

Поляки выглядели потрёпанными, по большей части — павшими духом. Нет, в частных разговорах между собой каждый шляхтич говорил, что он ещё «ого-го» и скоро этим туркам обязательно покажет. Но все эти разговоры уже сейчас были скорее оправданием, чем высказывали решимость.

Мол, просто не успели. Да и сами австрийцы виноваты — это они так быстро сдали город. И в этом ключе с остатками войска Священной Римской империи поляки не ладили.

Но более пристально за польским королем наблюдала группа русских стрелков, которая прибыла к Тульне уже как день назад и ждала... Вот такого представления.

— Вон он! — сказал, приподнявшись в седле, десятник русских стрелков.

Он, а также ещё пятеро наиболее метких штуцерников, спрятались за одним из холмов. Все были в сёдлах, с заряженными штуцерами — и готовы открыть огонь.

Конечно, стрелять из штуцеров, сидя в седле (даже если седла с высокой лукой), крайне сложно. Но эти бойцы учились подобному навыку — и только сейчас поняли, где он может пригодиться.

— Готовимся! — сказал десятник, когда увидел, что Ян Собеский, а также ещё один ясновельможный пан сильно обогнали других представителей свиты польского короля.

Сейчас они делали большую дугу, забирая чуть западнее, чтобы вернуться после того, как обскачут весь польский лагерь. Лучшего момента не представится.

— Вперёд! — приказал десятник.

Все русские всадники, переодетые в форму турецких янычар, вышли из укрытия и быстро направили коней в сторону польского короля.

Их не сразу заметили — или заметили, но Ян Собеский решил резко не менять свой маршрут, продолжая скакать вдоль лагеря, но на небольшом расстоянии от него. Ну кто же будет стрелять с лошади. Ну а пугаться шести всадников? Это явно не для польского монарха.

— Стоим! — выкрикнул десятник. — Целимся! Я — первый, остальные — за мной. Цель — первый всадник.

В это время Мартин Контский всё-таки оценил опасность и пришпорил своего коня, чтобы нагнать короля. Он не столько хотел собой прикрыть монарха, сколько показать, что готов это сделать.

— Бах! Бах! Бах! — прозвучал сперва один выстрел, а потом ещё пять.

Десятник первым же выстрелом попал в лошадь Контского; другие пули угодили и в польского короля, и в его заместителя.

— Уходим! — скомандовал десятник.

На всех мускульных силах — выжимая из лучших лошадей всё, на что способны животные, — переодетые в форму янычар русские стрелки устремились прочь. Им нужно было всего-то достигнуть леса, в котором можно было укрыться; возле него должны были их страховать другие русские стрелки.

В польском лагере и при дворе польского короля произошло замешательство. Далеко не сразу многие поняли, что вообще случилось, как было возможно с двухсот шагов произвести быстрые выстрелы — тем более будучи верхом на конях.

Но когда осознали, что случилось непоправимое, догонять стрелков было уже поздно. Польский король получил сразу три пули; только одна смогла пробить его доспехи. Однако он буквально летел на своём коне — и упал наскоку так жёстко, что для всех стало понятно: шансов выжить у Яна Собеского почти не было.

Десятник вёл свою группу в укрытие, уже улыбаясь, представляя, как получит премиальные и как генерал-майор Стрельчин будет его хвалить.

— Бах! Бах! Бах! — зазвучали выстрелы из леса.

Десятник не успел сообразить, что же произошло, когда его ярко-красный кафтан янычара пробили сразу пять пуль. Другие русские стрелки тоже получили смертельные ранения.

Егор Иванович Стрельчин не хотел оставлять никаких свидетелей убийства польского короля. Это можно было счесть за предательство, но, с другой стороны, если не убрать тех, кто совершил столь подлое действие, мог разразиться скандал, от которого России будет не отмыться.

Десятник так и не понял, по какому принципу отбирались все воины, которыми он командовал и которые практически постоянно тренировались вдали от многих других? Все в его небольшой группе были со смуглой кожей, во многом похожие на турок, пусть даже и с явным присутствием в роду славян. Но ведь янычары — это далеко не всегда турки или даже греки. Часто это выращенные турецкими воинами славянские мальчишки.

И те русские стрелки, которые открыли огонь были уверены, что стреляют в янычар. Эта операция удалась. Но сколь же она подлой была. И сколь же она полезна для России!

Евгений Савойский наблюдал за тем, что произошло, в зрительную трубу. И поймал себя на мысли, что ему отнюдь не жалко Яна Собеского. Напротив.

Раскол, который был неминуем после поражения союзников под Веной, с каждым днём усугублялся. Уже были случаи, когда поляки дрались — пусть чаще всего лишь на кулаках — с австрийцами. Происходили и дуэли: австрийских дворян поляки нередко рубили саблями. К удивлению многих, польская сабельная школа оказалась куда сильнее подготовки дворян Священной Римской империи. Случались драки даже за обозы, за еду. А это уже было слишком.

— Созываю срочный Военный Совет! — потребовал Евгений Савойский, ещё даже не дождавшись проверки, жив ли Ян Собеский.

Сейчас он осознал: среди всех оставшихся в живых аристократов, способных взять военное руководство на себя, именно он был старшим. Саксонский курфюрст только недавно, под предлогом того, что нужно организовывать оборону Саксонии, отбыл. А оставаться без дела Савойский не намеревался.

Военный Совет союзников не состоялся в этот день. На следующий день немалая часть польского войска сорвалась с места и направилась обратно в Речь Посполитую. Поляки просто отказались подчиняться австрийцу — тем более двадцатилетнему.

К Евгению Савойскому мало доверяли сами австрийцы, а уж поляки — и подавно. Ведь он не так давно прибыл из Франции, спасаясь от какого-то весьма мутного дела, в котором была замешана его мать. А учитывая, что французы до сих пор сохраняли скорее враждебный нейтралитет по отношению к Священной Римской империи и антитурецкой коалиции, их явно не любили.

Между тем Евгений Савойский развил бурную деятельность: собирал и подчинял себе разрозненные отряды, которые находились на другом берегу Дуная и стремились уйти подальше от театра боевых действий. В этом им сильно мешали крымские татары, кружившие вокруг словно коршуны. Так что и рады сбежать, но шансов выжить, стоя в Тульне, возможно, было больше.

Однако, когда удалось безболезненно подчинить себе двухтысячный отряд имперских тяжёлых всадников, прикрывавших переправу в Тульне, Савойского стали признавать за лидера.

— Как польский король? — скорее из норм приличия спросил Евгений Савойский, когда на второй день всё-таки удалось собрать Военный Совет.

Король был ещё жив, однако получил такие травмы, что по-прежнему находился в бессознательном состоянии. Присутствовавшие в польском лагере доктора не ручались, что в ближайшие пару дней король будет ещё жить.

Состроив нужное печальное выражение лица, командующий резко сменил настроение на рабочее

— А теперь, господа, я хотел бы вам представить... — только начал говорить Евгений Савойский, как взгляды всех присутствующих командиров устремились на гостя, чьё присутствие здесь казалось нелогичным.

Андрей Артамонович Матвеев выдержал пристальные взгляды с достоинством и гордостью, не опуская подбородка. Прибыв в расположение остатков защитников Вены — тех, кто сумел разными путями пересечь Дунай и закрепиться в небольшом городке Тульне, — Матвеев-младший ощущал себя хозяином положения.

Ведь он находился там, где русские войска сумели взять примерно треть столицы Австрии и закрепиться в кварталах, начав сооружать уличную систему обороны. Матвеев уже проникся тактикой и возможностями воинов, воспитываемых Стрельчиным, и знал наверняка, кто в радиусе 300 километров является лучшими воинами.

— Почему здесь москвит? — выкрикнул единственный оставшийся в расположении войск союзников польский командир Ян Станислав Яблоновский.

Впрочем, этот поляк, назначенный польским королём русским воеводой, не испытывал никакой радости от того, что рядом с ним может находиться москвит. Он принадлежал к тем, кто считал: как только европейцы закончат дело с Османской империей, они тут же обязаны объявить войну России.

Однако на Военном Совете присутствовал ещё и австрийский посол в России, который по отдельному распоряжению императора Священной Римской империи находился в стане русского корпуса, следовавшего к Вене. Матвеев был лишь представителем — говорить с остат-

ками союзных войск и уговаривать их на совместные действия с русским корпусом должен был Бернард Таннер.

— Вы можете смотреть на меня любимыми глазами, хотя от этого тоже зависит, как мы, православные, будем спасать вас от мусульман. Вы в тридцати километрах от Вены, за Дунаем, в то время как русский корпус занял треть столичного града цезарской империи, — произнёс Андрей Артамонович Матвеев с некоторой насмешкой.

Возможно, он не стал бы столь откровенно насмехаться, если бы не ощутил к себе откровенное пренебрежение и не услышал слов Яблоновского. Да и как это понимать? Русский воевода? Такой может быть только русским, но Яблоновский. Отсыл поляков, что они не смирились с потерей земель бывшей Руси, хоть и не все пока еще потеряли.

— Если мы здесь и сейчас не договоримся, русский корпус уйдёт. А между тем мы вызвали подмогу — весьма вероятно, что скоро сюда подойдёт не менее чем 30 000 наших отборных войск. Решайте! С этого Военного Совета я должен уехать с решением, — сказал Матвеев и замолчал.

Евгений Савойский посмотрел на всех собравшихся с недоумением и даже с какой-то толикой недоверия.

— Разве не должны мы цепляться хоть за какой-нибудь шанс, чтобы вернуть себе честь и город? — произнёс молодой, но очень перспективный военачальник. — Если у нас есть союзники, которые сделали больше, чем смогли мы, то мы должны этим воспользоваться.

А потом Евгений Савойский, выдержав жёсткий взгляд Яна Станислава Яблоновского, передал слово послу Бернарду Таннеру. И тот начал говорить очень много лестного — и про то, как русские воюют, и про то, как действовал корпус генерал-майора Стрельчина, когда выбил турок из части Вены, что сейчас там происходит.

— Это не авантюра, а очень даже долгосрочная операция, которая может стать успешной, — вещал Таннер, словно был влюблен в Россию. — Русские честные и сильные люди. Они слово сдержат.

Андрей Артамонович Матвеев не лучшим образом говорил на немецком языке — хотя раньше считал, что знает его очень хорошо. Но знаний хватило, чтобы он удивился, услышав, как Таннер расхваливает русскую армию.

Воспитанный своим отцом, который всё же немного преклонялся перед военным искусством и культурой Европы, Андрей Артамонович только сейчас осознал: русская армия — именно та сила, что сейчас в Вене, которая брала Крым, — ни в чём не уступает европейской, а во многом даже превосходит её. Чего только стоят штыки, штуцеры, стреляющие в 7–8 раз чаще, чем любая другая винтовка, и бьющие на 100–150 шагов дальше благодаря новым пулям.

— Неужели вы, потомок герцогов, в котором течёт даже французская королевская кровь, отдадите командование какому-то худородному русскому, который только недавно стал дворянином? — усмехнулся Яблоновский.

Евгений Савойский уже было хотел отказать этому поляку, предложив ему забрать остатки польского войска, уходить, раз не хочет подчиняться.

Да, действительно, вопрос подчинения был очень острым. В австрийской армии на тот момент в живых остались лишь два полковника — остальные чинами намного ниже. Дворянская честь и достоинство не позволяли многим генералам Священной Римской империи, защищавшим Вену или находившимся на подходе к ней, уходить с поля боя, не участвуя в нём напрямую. Некоторые из них попали в плен к туркам — в том числе в небольшой лагерь для военнопленных, созданный в самой Вене. Другие погибли.

— Если решения русского генерала будут осмысленными и они мне понравятся, то я подчинюсь его воле — до тех пор, пока не придёт кто-либо из вышестоящих генералов Священной Римской империи. Но на тех позициях, куда приглашают нас русские, мы должны вести себя как гости, — после некоторой паузы, собравшись с мыслями, сказал Евгений Савойский.

— В своём городе вести себя как гости? — усмехнулся Яблоновский. — Я надеюсь, что Господь будет милостив, и уже завтра или послезавтра мой король встанет на ноги.

После этих слов польский военачальник замолчал. Он мог бы говорить ещё больше и найти слова, чтобы даже поссориться с русским посланником, но видел и чувствовал: офицеры, приглашённые на Военный Совет, не разделяли его мнения.

— Так тому и быть. Теперь я предлагаю детально обсудить план операции, который предлагает русский генерал, — спустя некоторое время заявил Евгений Савойский.

* * *

Вена.

14 октября 1683 год.

На третий день, как мы вошли в Вену, началась рутинная работа. Нет, конечно, мы примерно таким же образом работали с самого начала, как только вошли в столицу Австрии. Но сейчас всё это превращалось в рутину. Череду городских сражений, когда враг пробовал контратаковать и выбить нас, прекратилась. Сражаемся уже очагово, редко.

В какой-то момент нам всё-таки пришлось откатываться по венским мостам через реку Вена, потом взрывая их: турки смогли организовать и, невзирая на потери, собирались вновь и вновь в мощные кулаки — скорее даже в массовые кулаки — и перли на нас.

Но то, сколько они положили своего личного состава, меня поражало. У каждой армии есть такое понятие, как критические потери — то количество убитых и раненых, когда армия уже не может продолжать боевые действия. Возможны бунты, недовольство или полный развал армейской организации.

Но где у османов это предельное количество убитых? За последние три дня было взорвано, казалось, не меньше полусотни фугасных зарядов. Их ставили как диверсанты, проникавшие на турецкую часть города, так и мы — когда оборонялись от турок и когда нам пришлось отступить за естественные преграды. А сколько выбили турок стрелки? Очень много.

Так что выходило: центр города всё же в основном за османами, но в остальном мы взяли треть Вены, и теперь туда османам пути нет.

— Докладывай! — приказал я старшине Акулову, когда он прибыл в тот дом, который я взял себе для удобного проживания.

— С другого берега Дуная пришло известие: переговоры прошли, и австрийцы согласились участвовать в нашей операции.

Я кивнул головой. Нет, я, конечно, был рад — и, может быть, даже проявил бы какие-то эмоции, обнимая казака. Но вся логика говорила мне: деваться австрийцам некуда — они обязаны были соглашаться на наше предложение. Тем более мы же не собираемся оккупировать какую-то часть Священной Римской империи! Мы, напротив, приглашали их поучаствовать в освобождении Вены.

— Ещё что-то?

— Турки подтянули свои осадные пушки.

— Но мы это и предполагали, — равнодушно ответил я.

— Так я тогда их... Того?

— Делай!

Для того чтобы турецкие артиллеристы действовали эффективно, им нужно как минимум разбомбить два ближайших к ним ряда кирпичных добротных домов. Но это не самое главное.

Если в поле стоять и стрелять из пушки, будет серьёзное преимущество в расстоянии. А здесь, чтобы по нам даже неэффективно, хоть как-то отрабатывать, турки должны будут подставлять своих пушкарей под пули наших снайперов. Вынуждено придвигая артиллерию ближе.

— Стрелки уже на позициях. Я думаю, что если турки и произведут несколько выстрелов, то это будет их лучший успех, — сказал я, посмотрев на старшину. — Смотри по тому, как обстоят дела. Но думаю, может быть разумным эти пушки у турок отнять: ночью перейти через реку и ударить по османам, отгоняя их от их же пушек.

— Сделаю! А то за последний день, и не было...

— Сплюнь, старшина. Нам активные бои нынче и не нужно. Решить многое нужно, — сказал я.

Старшина ушёл. Может быть, он ещё хотел о чём-то поговорить, но у меня была серьёзная встреча.

В нашей части Вены собралось немалое количество горожан — тех, кого не увели турки, кто смог даже под нашими и турецкими пулями перебраться на территорию, контролируемую моим корпусом.

Так что, поговорив с некоторыми из лидеров этих людей, я решил организовывать ещё и администрацию. Во-первых, пусть бы люди самоорганизовывались и решали свои проблемы без меня. Мне и военных задач хватит.

Во-вторых, было бы неплохо, чтобы нас немного обихаживали. По крайней мере, если надо будет русскому солдату постираться, он это не сам будет делать, а передаст прачке.

Кроме того, я бы хотел наладить и готовку еды. Причём я готов был делиться с теми людьми, за которых сейчас отвечал, имея в виду гражданских. Всё же мы захватили немало еды — и, если верны мои расчёты, можем продержаться даже с тем количеством людей, которое у нас есть (включая гражданских), не менее чем полгода. Но, конечно, если не будем есть «от пуза», а будем контролировать порции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.